

М. В. Добужинскій

„Памятникъ Петру Великому“

Н. И. МИШЕЕВЪ

„ПОЭТЪ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА“

М. В. ДОБУЖИНСКІЙ

I

Литература о М. Добужинскомъ очень велика. Кромѣ солидныхъ монографій, какъ, напр. С. Маковского in folio, Голлербаха, я насчиталъ до 70-ти большихъ и малыхъ статей о немъ. На долю не каждого художника выпадало такое вниманіе. Значитъ, онъ задѣлъ „что-то“ въ современной душѣ. Обыкновенно признаніе исключительнаго таланта приходитъ... потомъ, в послѣдствіи... При жизни довольно рѣдко. Въ данномъ случаѣ, наоборотъ. И это въ нашъ вѣкъ, такой скептической, недовѣрчивой, „разбросанный“, лишенный, подъ вліяніемъ разнообразія идущихъ со внѣ впечатлѣній дара сосредоточенія, способности проникнуться однимъ настроеніемъ, желанія одного пути. Безусловно, что художникъ отвѣтилъ душѣ нашихъ дней.

Задумывались - ли вы надъ „душой нашихъ дней“, душой человѣка конца девятнадцатаго столѣтія и начала двадцатаго?

Отсутствіе покоя, тревога, чувство необеспеченности, неуверенности въ завтрашнемъ днѣ... Сознаніе необычайной сложности самыхъ противорѣчивыхъ мыслей, настроеній... Наравнѣ съ этимъ ощущеніе какой-то „пустоты“ въ самомъ себѣ... Ироническая улыбка, вы-

зываемая „собственной персоной“, а, слѣдовательно, и „персонами“ всѣхъ окружающихъ... Недовѣріе, невѣріе, ибо, какъ говорятъ, ясно, что „твой предокъ — обезьяна“, что твоя „мать — земля“ выйдетъ на дорогу луны, сдѣлавшейся „заштатнымъ свѣтиломъ“... Гдѣ же здѣсь мѣсто Промыслу, Богу, Которому еще „на дняхъ“ десятокъ государствъ въ лицѣ своихъ священнослужителей горячо молились о побѣдѣ другъ надъ другомъ?... И вдругъ, рядомъ же, или „на другой день“, объятія съ мистицизмомъ, крикъ отчаянія предъ „ужасомъ бессмысленной жизни“, обращеніе къ Божеству, горячая молитва, неожиданно обрывающаяся предъ поднявшими свои вѣки безцвѣтными глазами Судьбы, возставшаго страшнаго античнаго Рока... Молитва теряетъ тогда слова, поникаетъ голова, и мысль, ищущая спасенія, вдругъ обращается... къ далекому прошлому, туда, гдѣ рисуются картины „старого добраго времени“ съ его единымъ настроеніемъ, съ его образами, то полными романтизма, то проникнутыми лиризмомъ... Всплываютъ милыя картины дѣтства, сказки, и все это лишь для того, чтобы неожиданно грубымъ „толчкомъ жизни“, вродѣ рева автомобильнаго гудка, вновь быть

ввергнутымъ въ тревогу текущаго дня и опять судорожно забиться въ настроенія, которыя онъ вызываетъ.

Среда такого „водоворота“ мыслей, „водоворота“ чувствъ мы живемъ. Такова „душа нашихъ дней“, т. е. душа современнаго чело-вѣка. Обратитесь къ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, и она подтвердитъ все это. Она развернетъ предъ вами длинную вереницу „тѣней“, которыми насыщена современная душа, возлюбившая ихъ и сама похожая... на тѣнь настоящей души.

II

Въ Лондонѣ восемь милліоновъ жителей. Въ Нью-Йоркѣ — пять. Въ Берлинѣ — четыре. Въ Парижѣ — около четырехъ и т. д. и т. д. Въ Лондонѣ, какъ и въ прочихъ городахъ, рядомъ съ улицами, залитыми блескомъ свѣта электрическихъ фонарей, помѣщаются улицы, гдѣ рекомендуется ходить „компаніей“, гдѣ полиція безсильна. Сказочное богатство уживается вмѣстѣ съ гнетущей духъ нищетой. У грандіозныхъ соборовъ совершаются чудовищныя преступленія. Городская хроника оповѣщаетъ каждый день о десяткахъ самоубійствъ, о мошенничествахъ, геніально задуманныхъ и выполненныхъ. Рѣвъ голосовъ чело-вѣческихъ, машинныхъ стоитъ весь день надъ городомъ.

Съ уходомъ дня надъ нимъ раскрываетъ свои крылья ночь „съ ея безднами и мглами“. И чего только не творится подъ покровомъ этихъ „крыльевъ“. Утромъ, на разсвѣтѣ, промозгло, вяло, милліоны усталыхъ людей торопятся на изводящій душу трудъ, рабами, а не господами котораго они являются. Относительно счастливое меньшинство нѣжится въ постеляхъ послѣ „безумныхъ ночей“. И совсѣмъ уже ничтожная часть начинаетъ свой день въ лабораторіяхъ, художественныхъ мастерскихъ и въ аудиторіяхъ, стремясь забиться въ творческомъ трудѣ.

Это жизнь города, съ каждымъ днемъ поглощающаго деревню, съ каждымъ годомъ втягивающа, подобно исполинскому спуту, въ свои дымныя улицы сотни тысячъ новыхъ жертвъ. Таковъ путь настоящей культуры, ея законъ, „его же не преjdeши“. „Душа нашихъ дней“, психика современнаго чело-вѣка объясняется, главнымъ образомъ, характеромъ жизни теперешняго города. Въ немъ нѣтъ красочной гаммы. У него только два тона: blanc et noir. Искусство живописи, напимѣръ, без-

сильно выявить его „душу“, а, слѣдовательно, душу и городскаго чело-вѣка. Здѣсь нужно другое искусство, и оно есть. Это графика. Не потому-ли сейчасъ мы знаемъ такъ много представителей ея? Не потому-ли графика прощается въ настоящее время со своей служебной ролью — копированія и стремится быть самодовлѣющимъ искусствомъ, равноцѣннымъ въ своихъ достиженіяхъ живописи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже превосходящимъ ее?..

III

Я сказалъ бы, что творчество М. Добужинскаго, принимая даже во вниманіе весь діапазонъ его, объясняется, какъ со стороны содержания, такъ и формы, подъ условіемъ принятія только всего вышесказаннаго.

Прежде всего: исключительное большинство работъ этого художника отдаетъ свое содержание городу. М. Добужинскій — европейски признанный „поэтъ города“. Откуда у него это началось? Другими словами, каковы психическія основы его творчества?

Изъ данныхъ его біографіи мы знаемъ, что онъ, такъ сказать, родился графикомъ. Съ малыхъ лѣтъ въ немъ ярко обнаруживается влеченіе къ линіи и контурамъ. Живопись, какъ таковая, т. е. краска, ея гамма, колоритъ занимали его значительно въ меньшей степени, и только подъ вліяніемъ работъ въ театрѣ онъ пришелъ къ нимъ, обнаруживъ и здѣсь большое мастерство. Но все-таки въ графикѣ смыслъ творчества М. Добужинскаго. Его художественное образованіе и развитіе шло именно въ ея планѣ и въ атмосферѣ ея тенденцій.

Естественно, что по мѣрѣ своего художественнаго развитія, у М. Добужинскаго долженъ былъ явиться вопросъ, на какой „сферѣ“ темъ надо остановиться, чтобы искусство его имѣло должное примѣненіе, иначе: какую область избрать для выявленія своей художественной личности, надѣленной даромъ „графическаго письма“? Какъ чело-вѣка „нашихъ дней“, вниманіе его привлекъ городъ со своимъ „blanc et noir“, „чернымъ“ и „бѣлымъ“, какъ со „внѣ“, такъ и „изнутри“. Какъ графику, городъ далъ ему безконечный матеріаль для линіи и контуровъ, любовь къ которымъ у М. Добужинскаго была врожден-

ная. Не знаю, сознательно или интуитивно подошелъ онъ къ „городу“. Сожалѣю, что, имѣя возможность задать ему подобный вопросъ, не сдѣлалъ этого. Думаю, однако, что и самъ ху-



М. В. Добужинскій

дожникъ не далъ бы опредѣленнаго отвѣта. Впрочемъ, важно не то, какъ онъ подходилъ, а то, что онъ подошелъ къ данной темѣ и серьезно на ней остановился, при этомъ, настолько серьезно, что, собственно говоря, „городской циклъ“ имъ уже законченъ, т. е. намѣчены и выполнены всѣ главнѣйшіе этапы „жизни города“, „философія“ которой для насъ въ творествѣ М. Добужинскаго совершенно ясна. Все дальнѣйшее, что будетъ имъ создано по этому „вопросу“, будетъ, въ свою очередь только углубленіемъ и разъясненіемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, даже въ тѣхъ четырнадцати, — изъ нѣсколькихъ сотъ рисунковъ, посвященныхъ М. Добужинскимъ городу, репродукціи которыхъ мы помѣщаемъ, „философія города“ очень видна.

„Чернышевъ мостъ и набережная Фонтанки“ (графика), — рисунокъ, „какъ въ жизни“. Строго реалистическій, почти, на первый взглядъ, фотографія, но только лишенная „горизонтовъ“ и чувства „генія мѣста“, т. е. того, чего она никогда имѣть не будетъ, и что дѣлаетъ настоящій рисунокъ истинно художественнымъ произведеніемъ, которое вамъ больше нравится, чѣмъ вы больше въ него всматриваетесь. Строгая четкость линіи отвѣчаетъ реализму содержания этого рисунка. Но никакой „философіи“ здѣсь не ищите. Художникъ ничего не говоритъ намъ, какъ онъ смотритъ на городъ; у него эпическое отношеніе къ послѣднему. Рядомъ, по реалистическому подходу, я поставилъ-бы „Ревель, Лабораторная улица“, хотя здѣсь душа города уже широко раскрытыми глазами глядитъ на васъ, волнуется своимъ „интимнымъ разговоромъ“, трепетомъ жизни прошлаго, что сказывается и въ линіи самой картины (акварель), гдѣ эмоція художника боролась съ волевымъ началомъ. „Рига, уголокъ набережной“, акварель, (цвѣтная репродукція) относится сюда же, но съ преобладаніемъ скорѣй послѣдняго начала. „Тамбовъ. Булочная“ (раскраш. литографія), еще болѣе вскрываетъ одну изъ чертъ городской провинціальной жизни, именно: претенціозность ея, вызывающую въ насъ ироническую улыбку. Вспоминается Гоголь съ его классическимъ описаніемъ трактирной вывѣски: „И вотъ заведеніе“... Здѣсь: „И вотъ булочная“. Линія художника на этомъ рисункѣ „кривляется“, давая волю ироніи. „Вильно. Входъ въ Семинарію“, (акварель), — своими линіями говоритъ намъ, что М. Добужинскій всецѣло во власти начала эмоціональнаго—импульсивнаго, которое, однако, захваченное стариной мѣста, вызывало въ художникѣ настроеніе, близкое къ романтическому, что и отразилось на картинѣ. Тоже самое мы видимъ и въ чудесномъ „Уголкѣ Ревеля“ (рисунокъ кистью), но здѣсь романтизмъ старины сильнѣе подчеркнутъ. Она больше взволновала художника, и онъ далъ волю своему волненію въ причудливой линіи самого рисунка. „Уголокъ Риги. Мельничная улица“ (рис. перомъ и кистью), — гдѣ кажущаяся строгость линіи домовъ вдругъ сби-

вается „комичнымъ деревомъ“, вызываетъ въ насъ ту улыбку, съ которой художникъ набрасывалъ и, притомъ, поспѣшно свой рисунокъ, боясь потерять впечатлѣніе, вызванное у него мѣстомъ. Одна изъ „гримасъ“ города видится здѣсь. „Рига. Шумная ул.“ (акварель), — подтверждаетъ способность М. Добужинскаго вскрывать тѣ черты на лицѣ города, которыя простому смертному невидимы, и въ то же время вводитъ насъ въ психику города, какъ города, каменные массы котораго и въ прошломъ его „поядаютъ“ человѣка, выстроившаго ихъ на гибель себѣ. „Человѣкъ уйдетъ, а мы останемся“, — говоритъ эта жуткая, опустѣвшая вдругъ улица, уставленная странной формы угрожающими домами. На картинѣ царитъ твердая линія, волевая, именно — въ домахъ; „линія же чувства“, согнутая въ своемъ выраженіи, вѣется на землѣ, придавленной этими домами. Картина одна изъ удачнѣйшихъ у М. Добужинскаго за послѣднее время. Городъ, который борется съ землей, побѣдивъ человѣка.

Весьма понятно, что М. Добужинскій, возлюбивъ городъ, тѣмъ болѣе полюбилъ Петербургъ, этотъ нарочитый городъ, „умышленный“, по выраженію Достоевскаго. Каждый городъ есть „умысль“ человѣка, но Петербургъ, приказомъ Петра Великаго, выросшій вдругъ на болотахъ, носитъ на себѣ особенно характерныя черты этого „умысла“. Частые туманы, заволакивающіе его, ежегодныя наводненія, грозящія полнымъ потопомъ, бѣлыя ночи — придаютъ ему часто призрачно-трагическій видъ. Годы революціи, совершенно обезлюдившіе его, покрывшія травой такія улицы, какъ Сергіевская, вызывали у насъ, тогдашнихъ обитателей его, воспоминаніе о пророчествѣ, что „быть Петербургу пусты...“ Величественные, замкнувшіеся въ себѣ, покинутые и ограбленные дворцы его, монументальныя зданія замерзнувшихъ бывшихъ министерствъ, колоссальные соборы вставали среди „мрака запустѣнія“, какъ молчаливые свидѣтели былого величія, говорящіе о тщетѣ всего земнаго и, въ частности, городского-земнаго.

Такой городъ, конечно, захватилъ М. Добужинскаго, захватилъ и своимъ прошлымъ, и настоящимъ революціоннымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ матеріаль для „философіи“ города вообще. Вотъ почему рисунки Петербурга такъ характерны для этого художника, и вотъ почему во своихъ другихъ городахъ онъ выходилъ изъ „петербургскаго настроенія“.

Взглядитесь въ эти совершенныя по исполненію „Чернышевъ мостъ“ и „Каналь съ мостомъ“ (обѣ графики). „Призракъ — городъ“, окутанный фантастическою бѣлою ночью встаетъ передъ вами, пробуждая какое-то звенящее своей пугающей тоской чувство, завораживающее, гипнотизирующее васъ, вызывающее представленіе о нездѣшнемъ мірѣ. Это чувство еще болѣе усиливается передъ графикой „Бѣлыя ночи“. „Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ“... Сильная рѣшетка канала, голыя и холодныя



М. В. Добужинскій

„Вильно. Входъ въ Семинарію“

стѣны домовъ, за окнами которыхъ спятъ въ бредовомъ снѣ люди... Заборъ и ворота, тупо глядящія и закрывающія дворъ съ его дровами, и эти двѣ жалкія человѣческія фигуры, очевидно не могущія выразить другъ другу то, что волнуетъ ихъ въ эту „больную ночь“. „Жертвы города“—готовы вы сказать. Конечно, жертвы, ибо ни у канала съ его чугунной рѣшеткой, ни у этихъ тупыхъ домовъ, ни тѣмъ болѣе у этой ночи съ ея безцвѣтными глазами состраданія къ людямъ нѣтъ.

Нѣтъ состраданія къ нимъ и у этого „Мѣднаго Всадника“, что такъ гордо и непоколебимо взлѣтаетъ на своемъ „сверхъ-конѣ“ въ раскрашенной самимъ художникомъ авто-литографіи: „Памятникъ Петру Великому“. Чуждо оно и „Исаакію въ снѣгу“ (авто-литографія). Два жуткихъ рисунка революціоннаго, опустѣвшаго Петербурга!.. И „Всадникъ“ и „Исаакій“, одинаково мощные, точно поджидаютъ иной, могучей породы людей, полные пренебреженія къ тѣмъ людишкамъ, которые не поняли, что величіе ихъ безъ этихъ „Исаакія“ и „Всадника“ невысказано.

„Бѣлыя ночи“ съ „Чернышевымъ мостомъ“ и „Каналомъ“, „освѣщаемые такою ночью, и послѣдніе два рисунка вводятъ уже насъ въ постиженіе М. Добужинскимъ „философіи города“ вообще, философіи полной трагизма,

предсказывающаго катастрофу. Не можетъ не быть трагическаго конца, если городъ полонъ такихъ „Гримасъ“ (графика), коверкающихъ душу, въ одно и то же время созерцающую похороны „по первому разряду“, рожу дѣвицы „вольнаго поведенія“ на заборной рекламѣ папиросъ „Кадо“ и шарманщика съ обезьяной, напоминающей намъ „обезьяничій“ характеръ жизни городского человѣка, старающагося извсѣхъ силъ „быть, какъ всѣ“... Не можетъ не быть конечной трагедіи и въ этомъ бессмысленномъ „Трудѣ“ (рисунокъ тушью). Люди создали колоссальныя машины, небоскребы, гигантскія лѣсницы, изводящія своимъ подъемомъ душу и тѣло. Сами превратились въ ничтожныхъ рабовъ своихъ машинъ и зданій! Для этого-ли сотворенъ былъ человѣкъ? Если не онъ, то природа создавшая его, возмутится противъ такого порабощенія. И вотъ вамъ „Конецъ“ города (рисун. тушью). Солнце потеряло свой блескъ и стало чернымъ. Земля вздрогнула, и колоссальныя городскія громады, давя другъ друга, ринулись бѣшено внизъ. Воздушный корабль, превратившійся въ гробъ, летитъ надъ городомъ, со свистомъ разрѣзая воздухъ и служа символомъ крушенія всей „городской затѣи“. Здѣсь — точка, конецъ. Кругъ заключенъ. Что можно сказать послѣ этого?

Всѣ названныя мною вещи изъ цикла города написаны М. Добужинскимъ въ разное время. Если я ихъ распредѣлилъ не хронологически, то потому лишь, что меня интересовала „философія города“, иллюстраторомъ которой явился художникъ, а затѣмъ лицо самого художника, какъ „поэта города“.

Къ этому циклу картинъ я отношу также „Ночного принца“ (графика) — иллюстрацію къ петербургскому разсказу того же заглавія Ауслендера и „Канавку“ (акварель), — не иллюстрацію, а скорѣй дополненіе къ „Пиковой дамѣ“.

„Ночной принцъ“ — это Петербургъ прошлаго. Налетъ гофманскаго „фантастическаго реализма“ лежитъ на немъ. Нельзя забыть такую снѣжную ночь, которой смотритъ въ глаза народный домъ, гдѣ у стѣнъ сошлись двѣ темныхъ фигуры, рѣшающія вопросъ „быть или не быть“.

Поразительна „Канавка“ въ бѣлую ночь съ видомъ на Неву, Петропавловскую крѣпость, покинутой Лизой и фигурой Германа, уносящаго шкваломъ своей демонической души. Твердо очерченная живая линія арки... Угрожающій выступъ дворцоваго строенія... Фантастически удлиненный шпиль крѣпости, бросающій вызовъ небу... Призрачный свѣтъ грандіознаго „сочиненнаго“ города... И этотъ трагическій Германъ, влекомый поднявшимся въ его душѣ вихремъ въ объятія смерти! Какой контрастъ между „притаившейся“ статикой „умышленнаго“ города и безграничной динамикой героя, дерзнувшаго затянуть въ бесѣду своего духа!..

Надломилась бы душа художника, если бы онъ вращался только среди такихъ трагическихъ темъ. Къ счастью, онъ можетъ и смѣяться въ своей графикѣ. Иллюстраціи къ сказкѣ „Бармалѣй“ и „Свинопасъ“ яркое тому доказательство. Замѣчательно нарисованъ почтенный нѣмецъ-докторъ „Ай-Болить“, который „улыбаясь говорить“, прося свирѣпаго Бармалѣя пожалѣть до нельзя испуганныхъ дѣтей. Сколько юмора и мастерства далъ художникъ и въ образѣ этого Бармалѣя, воплощенную свирѣпость, и въ докторѣ и, наконецъ, въ дѣтяхъ, три точки на лицѣ которыхъ выражаютъ крайній испугъ! Не менѣе совершененъ рисунокъ и къ „Свинопасу“. Полна жеманнаго пренебреженія принцесса, которой не нравится постоянная роза, и которой нужна роза восковая. Противоположность прекрасному цвѣтку рожа кормилицы съ правой стороны рисунка подчеркиваетъ смѣхъ художника, съ такимъ чутьемъ постигнувшаго смыслъ прелестной сказки Андерсена.

Кромѣ смѣха, художника спасаетъ также и глубокій лиризмъ, въ большой степени свойственный его душѣ. Отдаваясь ему, онъ уходитъ отъ гнетущихъ душу „гримасъ“ города, обращается къ сравнительно близкому прошлому, ставшему для насъ, благодаря революціи, безконечно далекимъ, и вызываетъ оттуда милыя тѣни. „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ (акварель,

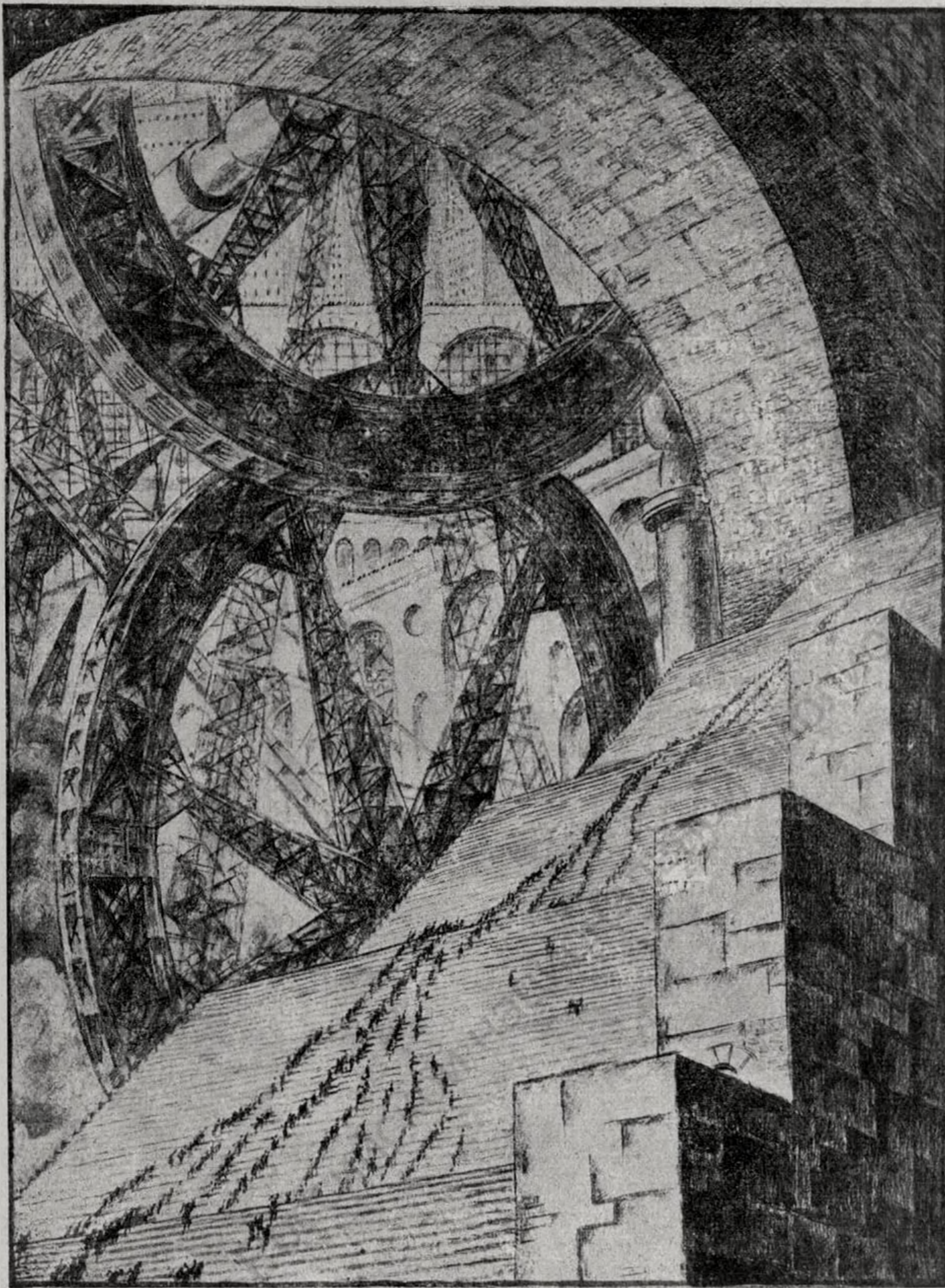
цвѣтная репродукція) явственно говоритъ намъ объ этомъ „сдвигѣ“ художника. Картина „напѣваетъ“ намъ пѣсню, которую мы съ удовольствиемъ слушаемъ. Конечно, звучатъ и скорбныя нотки въ этой пѣснѣ, но „печалію согрѣта гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ... мнѣ нравится ихъ жалобный напѣвъ...“

IV

Нѣтъ возможности въ журнальной статьѣ дать полный обзоръ творчества М. Добужинскаго. Вы могли видѣть даже изъ всего вышесказаннаго, какъ великъ діапазонъ этого творчества со стороны содержанія, какъ въ этомъ отношеніи многогранна душа художника, какое большое явленіе въ русскомъ искусствѣ онъ представляетъ. Мнѣ приходится лишь вскользь упомянуть объ его прекрасныхъ декораціяхъ къ „Евгенію Онѣгину“, „Пиковой Дамѣ“, „Мѣсяцу въ деревнѣ“, „Феѣ Куколь“, „Франческѣ да Римини“ и мн. др. Онъ — признанный здѣсь стилистъ, съ совершенствомъ постигающій духъ эпохи, духъ пьесы и своими декораціями, костюмами переносящій насъ въ эту эпоху, заставляющій жить ея жизнью. Развѣ „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ не вызываетъ въ васъ „тургеневскихъ настроеній“ въ преломленіи 40-хъ годовъ? Развѣ костюмъ „Вѣрочки“ (акварель), — не говоритъ самъ за себя? А этотъ „Джаккото“ цѣлый портретъ (акварель), — не ставитъ васъ лицомъ къ лицу съ тираномъ Ренессанса? И развѣ вы не улыбаетесь, разглядывая этого почтеннаго бюргера — „Нѣмца“, (акварель), живущаго на проценты, съ кружкой добраго пива?..

Наконецъ, М. Добужинскій и тонкій портретистъ, схватывающій не только черты лица, но и то, что скрывается за ними. Здѣсь онъ большой мастеръ. Его умѣнье нѣсколькими штрихами передать лицо удивительно. Акварельный „Портретъ г-жи А. М.“ — послѣдняя работа М. Добужинскаго. Замѣчательно освѣщеніе лица, необыкновенно живые глаза, пѣвучая линія шеи и плеча. Къ сожалѣнію, репродукція чернымъ не передаетъ всей прелести красокъ акварели и ихъ нѣжныхъ тоновъ.

Останавливаясь на самыхъ послѣднихъ работахъ М. Добужинскаго, какъ, напр., серія картинъ на мотивъ „Пиковой Дамы“, можетъ быть, лучшее, что создано художникомъ, этюды Риги, Ревеля, рядъ портретовъ, высоко-талантливая по содержанію и формѣ обложка для журнала „Перезвоны“ и др., мы видимъ несомнѣнный духовный ростъ художника, его полную самостоятельность въ своемъ мастерствѣ, гдѣ, напр., тенденція кубизма, экспрессионизма плаваются съ тѣмъ, чтобы дать художнику новую, искомую имъ форму, играющую въ его творствѣ не самостоятельную роль, а чисто-служебную — для наилучшаго выраженія волнующаго духъ художника содержанія. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны въ творствѣ М. Добужинскаго синтезъ интуитивнаго, импульсивнаго начала съ волевымъ, находящій себѣ въ его формѣ переплетеніе чет-



М. В. Добужинскій

„Трудъ“

кой, „кубической“ линіи съ линіей, насыщенной трепетомъ, волненіемъ, линіей, полной музыкальности.

Это вѣрный путь. Онъ чрезвычайно психологиченъ, отвѣчая основнымъ свойствамъ нашего духа, для котораго недостаточно и одной „прямой линіи“, и одной „извилистой“. Жизнь слишкомъ сложна, чтобы довольствоваться только чѣмъ-нибудь однимъ и, чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ должно быть сложнѣе и съ вопросомъ.

Я не писалъ статьи, предназначенной для специалистовъ, а потому лишь мимоходомъ касался разнообразнѣйшей манеры письма

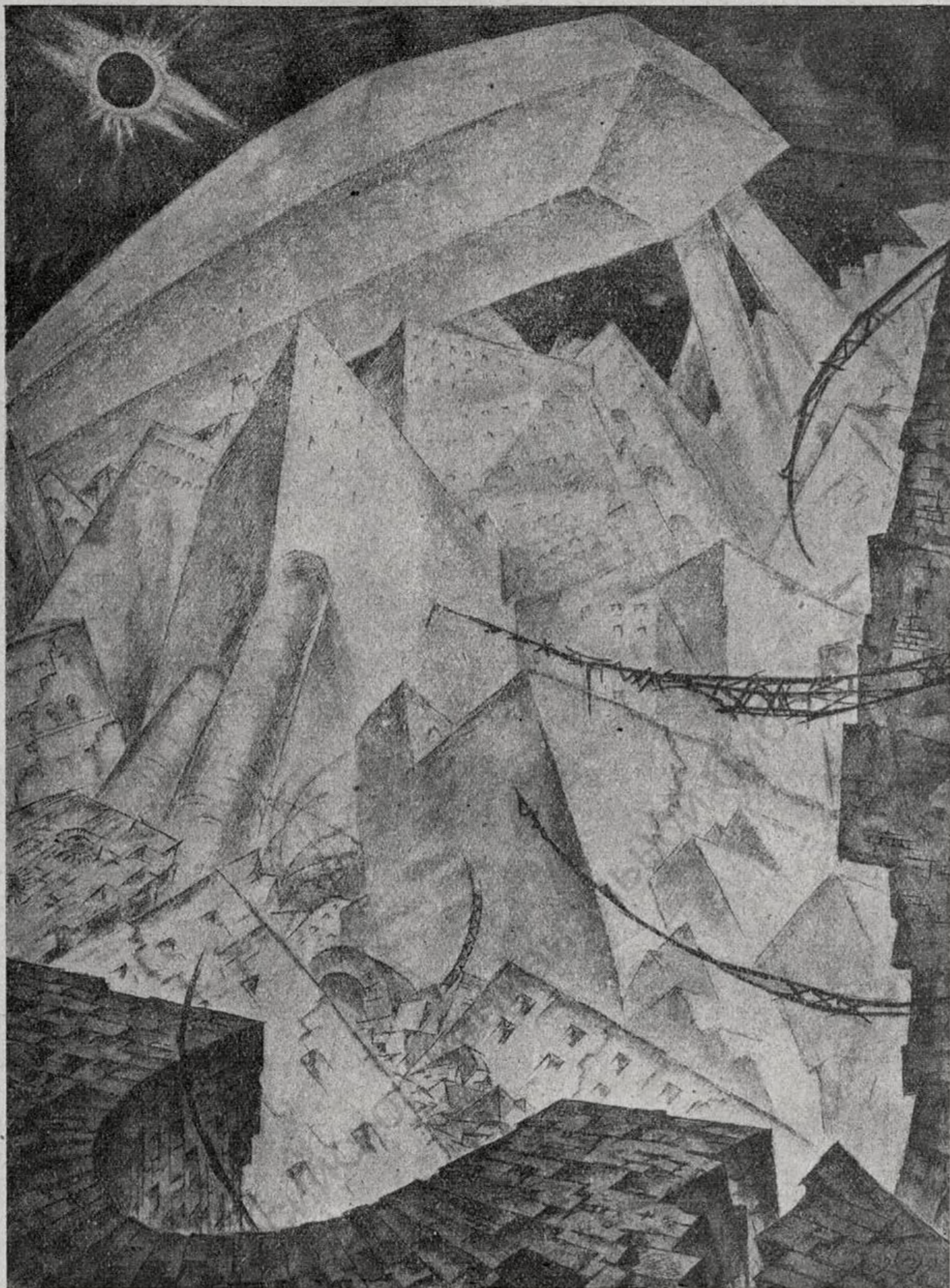
М. Добужинскаго. Обращаю здѣсь только вниманіе на это поражающее разнообразіе техники, соединенное съ исключительнымъ знаніемъ матеріала и умѣньемъ использовать его свойства. Моей ближайшей цѣлью было нарисовать художественный обликъ М. Добужинскаго и отмѣтить значеніе его въ современномъ искусствѣ. Буду очень радъ, если при ограниченномъ рамкахъ настоящей статьи матеріалъ, мнѣ удалось приблизиться къ разрѣшенію поставленной задачи.

Н. И. Мишевъ



М. В. ДОБУЖИНСКИЙ

„МЪСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ“ (ЭСКИЗЪ ДЕКОРАЦИИ)

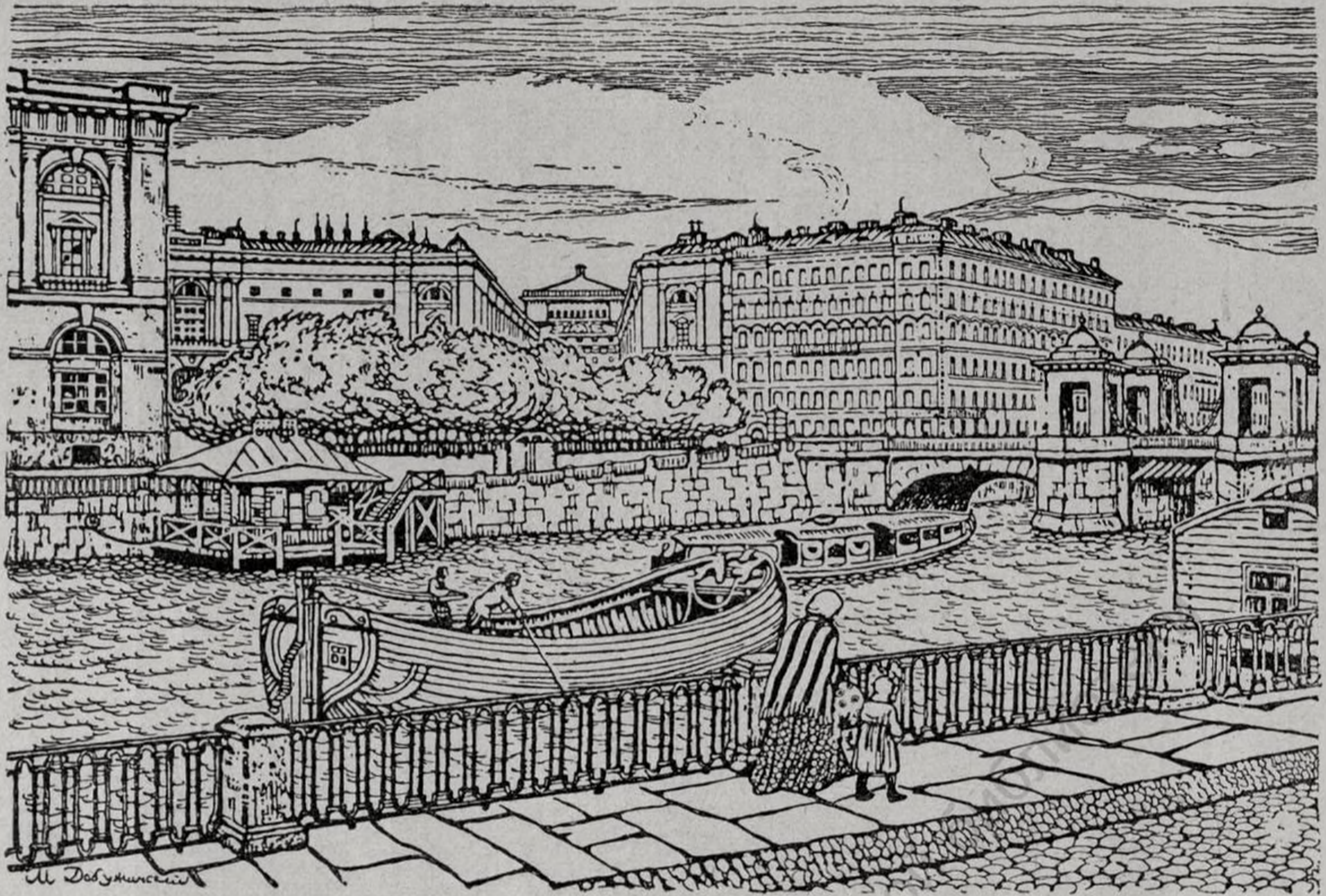


М. В. Добужинскій

„Конецъ города“

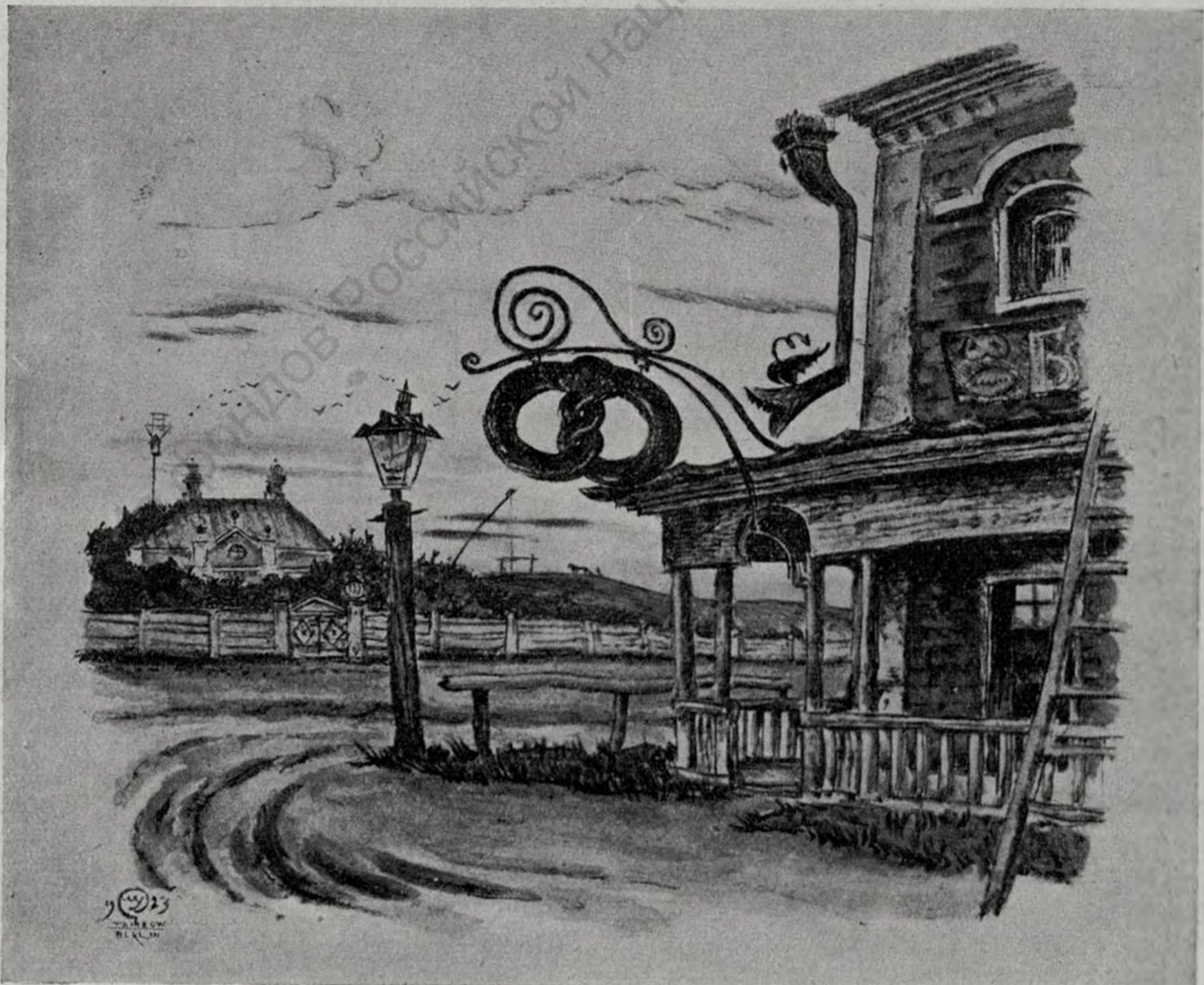
буду. Всего было. Приѣхалъ самъ вице-губернаторъ, — понятно, и исправникъ... Передъ сладкимъ протодіаконъ разодралъ такого... ей-богу, лопнуло въ коридорѣ стекло у лампы! „Многая лѣт-та-а-а!“ Одну старушку изъ-за стола подъ руки выводили, на мозгъ ей пало! Знаете, какъ у лошадей „оглумъ“ бываетъ... И вотъ, какъ музыканты протрубили, — двери настезь, и вносятъ двое... Подъ розовой кисейкой, на столъ, на середку ставятъ! Ну, всѣ, понятно... Передъ „молодыми“. Встала Марья Тимофевна, во флеръ-д'оранжъ, — лицо — какъ старинная царица... или будто Марфа Посадница! Черты у ней — старое серебро на перламутрѣ! Влюбиться можно. И вотъ подымаетъ она кисейку... — ивовая корзина, а въ ней и цвѣтная тебѣ капуста, и редиска молодая, и молодой картофель, и „огурчики зеленые“, верхомъ! А посередкѣ портретъ самой

Марьи Тимофевны, во флеръ-д'оранжъ. И все это, до корзины, — изъ марципана, чудеснѣйшей работы, отъ Абрикосова Сыновей! Какъ увидалъ это Василиій Поликарпычъ, поднялся, такъ это часто-часто затеребилъ бородку, голову такъ вотъ, бочкомъ да кверху, приложилъ къ щекѣ руку да какъ говорочкомъ пустить бывалое... и — „огурчики зелѣ-ны..!“ И заплакалъ, обнялъ Марью Тимофевну, подъ крики. Смотрю, какъ поднялся протодьяконъ, здорово былъ въ зарядѣ... и давай орать: „сельди галански... ма-рожено... ха-ро-о-ши!“ Всѣхъ уложилъ враспяжку. Подошелъ къ Марьѣ Тимофевнѣ, кричитъ: „берите ее въ министры: у насъ министры не быстры!“ А тутъ вице-губернаторъ... Ну, ничего, смѣялся. А потомъ комплиментъ Василию Поликарпычу преподнесъ. Вынулъ его изъ-за стола, какъ ребенка, на руки взялъ, поцѣловалъ осторожно и возгла-



М. В. Добужинский

Чернышев мостъ и набережная Фонтанки



М. В. Добужинский

„Тамбовъ. Булочная“



М. В. Добужинскій

„Портретъ г-жи А. М.“

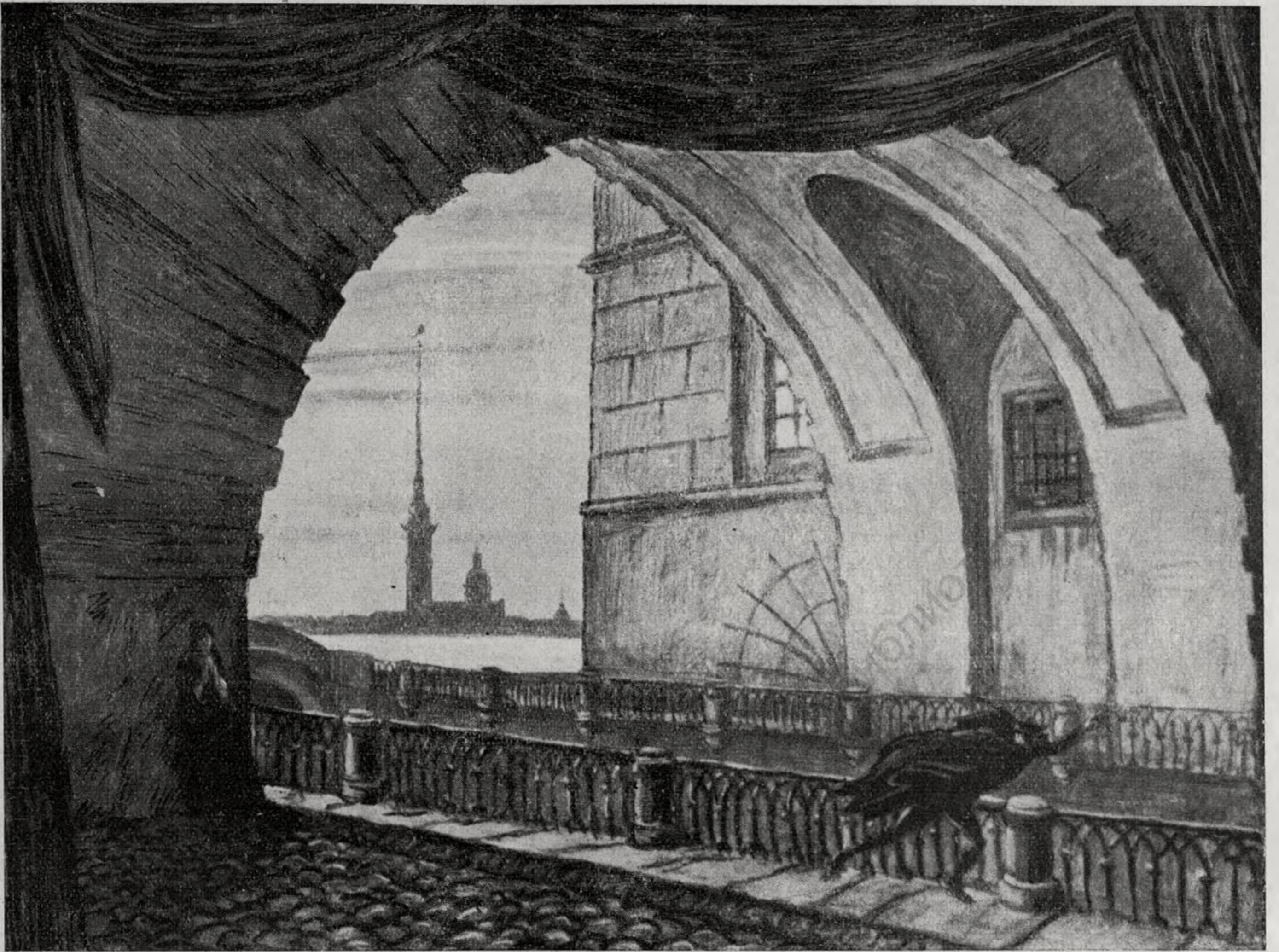
силъ: „твоей головой, Вася, всякую стѣну прошибить можно!“

Все о нихъ разсказать если, — романъ выйдетъ. Пиши — Россія!

Помните, конечно, какъ дѣвки наши или молодухи ягоды по дачамъ продавали? Голосъ пѣвучій, малиновый, грудной, мягкій. Красавицы какія попадались! Стоитъ за рѣшеткой, бѣленькая, цвѣтной платочекъ, съ рѣшетами клубники или малины, сама малинка. — „Не возьмете, барыня, малинки? Садовая, усанка... хорошая малинка“?... Такимъ шелковымъ говоркомъ стелеть, какъ мѣхъ лисій. Не то, что парень, — трубой выводитъ, хоронитъ будто: — „садо-ва мали-на-а..!“ Другая попадется — сливками оболъеть, — глазами — лаской, ситцевая бабѣнка наша, сама малина со сливками! На нашемъ сѣверѣ ягодки попадаютъ такія!.. И глаза, и губы... — цвѣты — сады! Помните — „Въ саду ягода-малинка подъ закрытіемъ росла?..“ Такая и была Марья Тимофевна наша, Маша-ярославка, ягодная Маша. Вся изъ русскаго сада вышла. Должно быть, была красавица. Я ее помню уже пожилую, вальяжной, боярыней. Отецъ говорилъ: „была

первый сортъ, навырѣзъ“. Свѣтлая, глаза съ синевой, бѣлолицая, и застѣнчива, и бойка, и тиха, и жарка... Маша! Привезли ее, сироту, въ Москву къ теткѣ, — ягодами торговала тетка на Смоленскомъ рынкѣ. И пошла она носить ягоды по дачамъ, со всякою овощею, по сезону. А зимой — съ мороженой навагой, на салазкахъ, съ мерзлыми карасями, — стучать какъ камни! — съ бѣлозерскими снитками, съ селедкой переяславской, съ мочеными яблочками, съ клюквой. Пѣшая всегда, и въ дождь — и въ вѣдро, и въ метель, и по грязи. Ночами ходила за товаромъ, изъ садовъ прямо забирала, — днями напрашивалась по дачамъ, у заборовъ. Ее скоро признали, полюбили, — ярославку, „ягодную Машу“ — такъ и звали. Сколько соблазновъ было! „Прошла чистою ягодой, — не помялась, не подмокла!“ — шутили, бывало, Василій Поликарпычъ. Кому и знать-то? Скажетъ, а Марья Тимофевна за краснѣетъ. Смотрѣть пріятно. Стыдливая красота... — теперь не встрѣтишь, по опыту ужъ знаю. И сама, и товаръ — всегда на-совѣсть.

Скоро бокъ-о-бокъ съ нею стали встрѣчать парня-ярославца, съ лоткомъ, съ корзиной на



М. В. Добужинскій

„Канавка“

Я нашель сосунка на травяномъ загонѣ, у конюшень. Онъ лежалъ, вытянувъ ножки стрѣлкой, голова за спинку: его уже сводило. У загона стояла матка, вытягивала шею, ржала.

Явился товарищъ Ситикъ, въ кожаной курткѣ, тяжеловѣсный, важный, но въ его маслянистыхъ глазахъ грузина — или молдована? — мелькало что-то, приглядывалось ко мнѣ, искало. Я показалъ ему „ударную“ бумагу, совсѣмъ небрежно, и сказалъ съ нажимомъ, какъ я умѣю съ ними:

— „А плохой вы коневода, товарищъ! Плоха ваша „Забота“, сильно потеряла формы... А мнѣ говорилъ... — и тутъ я загнулъ и мя! — что вы заявляли себя специалистомъ!.. Плохо, очень плохо“.

Ситикъ засуетился, сталъ объяснять, что помощники саботируютъ все дѣло, что онъ уже готовитъ рапортъ, что послали матку на работу, и вотъ — „Ильчикъ“...

— „Позуольте, товарищъ завѣдующій“... — раздался за моей спиной робкій голосъ, и я увидаль тощаго, суетливаго вида, господина въ какой-то венгерской курткѣ. Это и былъ „помѣщикъ“. — Вы посвави сами... у него „л“

не выходило, — затянулась уборка... и.. держимъ дармоѣдовъ... кричали про „Заботу“...

— „Прошу безъ замѣчаній!“ — крикнулъ на него Ситикъ. — Вы тамъ поговорите!“

„А, ты, молдованъ грузинскій!“ Ладно. Съ ними я умѣю обращаться, практиковалъ на фронтѣ.

— „Виновные отвѣтятъ“ сказалъ я строго. — „Завѣдующій не конюхъ! Ну, посмотримъ, товарищъ, что готовите имперіалистамъ? А за саботажъ мы взыщемъ“.

Такъ и засіялъ мой Ситикъ:

— „Вы, товарищъ, партиецъ?“

Я его смѣрилъ, пристукнулъ взглядомъ:

— „Ну да?.. 902 года. А вы?..“

Онъ былъ — набѣглый, съ 18-го, только. Я еще шибанулъ парой такихъ махровыхъ, совнаркомскихъ, что онъ сварился. И я потащилъ арканомъ: о лошадиныхъ статьяхъ, о масти, объ уходѣ, о плановомъ хозяйствѣ, о культурахъ. А онъ сталъ путать. Я говорилъ о „Манинѣ“, какъ о своемъ карманѣ, объ оранжерейномъ дѣлѣ, о доходахъ, и онъ заходилъ за мною, какъ Мимишка. Я намекнулъ, что „Либкнехтовомъ“ интересуется „особа“, вынулъ



М. В. Добужинскій „Нѣмецъ“ (Фея куколъ)



М. В. Добужинскій „Вѣрочка“ (Мѣсяць въ деревнѣ)



М. В. Добужинскій

„Уголокъ Ревеля“



М. В. Добужинскій

„Ревель. Лабораторная улица“

блок-нотъ и зачеркалъ поспѣшно. Это его перекосило.

— „Да, товарищъ... все это очень жалко. Въ такомъ хозяйствѣ надо быть спеціалистомъ. Я только что говорилъ съ... — и я назвалъ „особу“, — на „Либкнехтово“ у насъ есть планчикъ... Ну-съ, пощупаемъ вашего больного“...

Ситнику я испортилъ „выѣздъ!“ Онъ смотрѣлъ на меня, какъ рыба.

Въ лошадакъ я понимаю себѣ недурно. Этотъ былъ хорошихъ кровей, но плохъ скелетомъ. Кобыла носила его въ работѣ. Я шикнулъ мастерствомъ осмотра, прощупывалъ и слушалъ, опредѣлилъ температуру и дыханье, снялъ грязную повязку, прощупалъ зондомъ...

— „Вы... такъ лѣчили?!“ — крикнулъ я такъ, что шарахнулась кобыла. Вы не пролили даже... іодомъ?! Ясное зараженіе крови... И пневмонія! Двусторонній плевритъ... и вотъ — отеки. Исходъ летальный!..“

Болванъ не зналъ даже, что такое — „летальный“.

„Ле-тальный?.. — повторилъ онъ, какъ пупсикъ.

— „Полетить, голубчикъ!“ — и я свистнулъ. — „Пристрѣлите, не стоитъ мучить. А теперь мы составимъ рапортъ. Чортъ знаетъ... срамить нашу республику!..“

— „Что такое?..“

Но я натянулъ потуже:

— „Послать въ Европу, чтобы насъ подняли на смѣхъ? Мало, что на насъ вѣшаютъ всѣхъ собакъ... мало? Чтобы дураками еще считали? Если делегатскіе болваны не понимаютъ, это не значитъ, что никто тамъ не понимаетъ! За „орловца“ выдаемъ собачку?! На глазахъ всѣхъ имперіалистовъ! Здорово шикнули!.. А потрачено нами сколько! корму, силы, молока, отрубей, яицъ, ухода... когда каждая соринка — потъ рабочихъ! Ублюдохъ, искривленіе позвоночника, сращеніе грудной кости, расплющенная голень, коротконогость... — это рысакъ-орловецъ? Не срамитесь!“

Я его захлесталъ „словами“.

— „И вы завѣдуете совхозомъ? Простите... ваша профессія, товарищъ?..“ — и я стремительно вынулъ книжку.

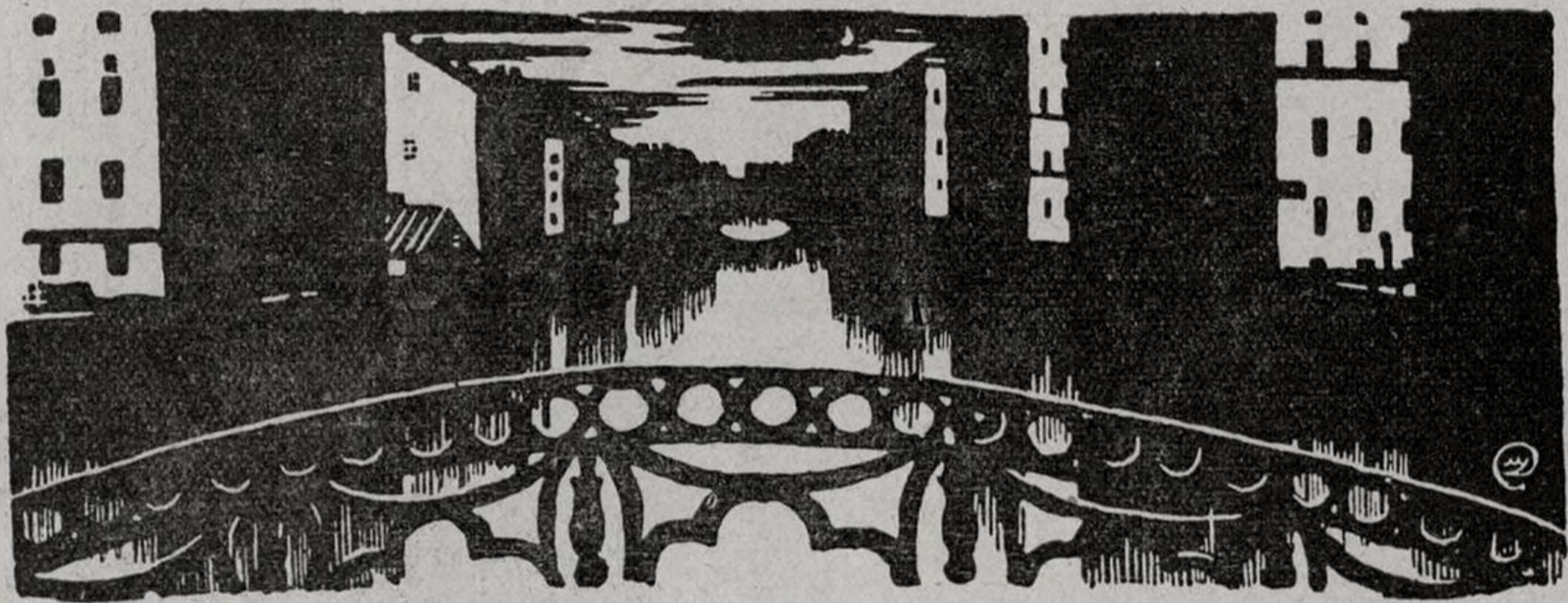
— „Это не относится къ дѣлу“... — пробормоталъ онъ, изъ краснаго ставши бурымъ.

— „Хорошо. Отъ... политическаго отдѣла есть здѣсь кто-то... По моимъ справкамъ — долженъ быть на мѣстѣ?..“

Упало, какъ гробовая крышка. Побѣжали.

(Оконч. слѣд.)

Ив. Шмелевъ



М. В. Добужинскій

„Каналь съ мостомъ (бѣлая ночь)“

В. НИКИФОРОВЪ-ВОЛГИНЪ

ЗАУТРЕНЯ СВЯТИТЕЛЕЙ

(Подъ Новый годъ)

Бѣлые отъ снѣжныхъ хлопьевъ идутъ вечерними просторными полями Никола Угодникъ, Сергій Радонежскій и Серафимъ Саровскій.

Стелется поземка, звенить отъ мороза сугробное поле. Завиваетъ вьюжина. Морозъ леденить одинокую снѣжную землю.

Никола Угодникъ въ старомъ овчинномъ тулупѣ, въ большихъ дырявыхъ валенкахъ. За плечами котомка, въ рукахъ посохъ.

Сергій Радонежскій въ монашеской ряскѣ. На головѣ скуфейка бѣлая отъ снѣга, на ногахъ лапти.

Серафимъ Саровскій въ бѣлой ватной свиткѣ, идетъ, сгорбившись, въ русскихъ сапогахъ, опираясь на палочку...

Развѣваются отъ вѣтра сѣдыя бороды. Снѣгъ глаза слѣпить. Холодно святымъ старцамъ въ одинокой морозной тьмѣ.

— Ай, да морозъ, грѣховодникъ, ай, да шутникъ старый! — весело приговариваетъ Никола Угодникъ, — и чтобы согрѣться, бьетъ мужицкими рукавицами по заколодѣвшему отъ мороза полушубку, а самъ поспѣшаетъ рѣзвой стариковской походкой, только, знай, шуршатъ валенки. —

— Угодилъ намъ, старикамъ, морозецъ, нечего сказать... Такой неугомонный, утиши его, Господи, такой неугомонный! — Смѣется Серафимъ, и тоже бѣжитъ вприпрыжку, не отставая отъ рѣзваго Николы, гулко только стучать сапоги его по звонкой морозной дорожкѣ.

— Это что еще! — тихо улыбается Сергій, — а вотъ, въ лѣто 1347, вотъ морозно было. Ужаси...

— Вьюжить. Не заблудиться бы въ полѣ? — говоритъ Серафимъ.

— Не заблудимся, отцы! — бодро отвѣчаетъ Никола, — я всѣ дороги русскія знаю. Скоро дойдемъ до лѣса Китежскаго, а тамъ въ церковкѣ Господь сподобитъ и Заутреню отслужить. Подбавьте шагу, отцы!..

— Рѣзвый угодникъ! — тихо улыбаясь, говоритъ Сергій, придерживая его за рукавъ, — старательный! Самъ изъ чужихъ краевъ, а возлюбилъ землю русскую превыше всѣхъ. За что, Никола, полюбилъ народъ нашъ, грѣхами затемненный, ходишь по дорогамъ его скорбнымъ и молишься за него неустанно?

— За что полюбилъ? — отвѣчаетъ Никола, глядя въ очи Сергія. — Дитя она — Русь!.. Цвѣтъ тихій, благоуханный... Кроткая дума Господня... дитя Его любимое... Неразумное, но любое. А кто не возлюбитъ дитя, кто не умилился цвѣтикомъ? Русь — это кроткая дума Господня.

— Хорошо ты сказалъ, Никола про Русь, — тихо прошепталъ Серафимъ. — На колѣни, радости мои, стать хочется передъ нею и молиться, какъ честному образу!

— А какъ-же, отцы Святые, — робко спросилъ Сергій, — годы крови 1917, 1918 и 1919? Почто русскій народъ кровью себя обагрить?

— Покается! — убѣжденно отвѣтилъ Никола Угодникъ.

— Спасется! — твердо сказалъ Серафимъ.

— Будемъ молиться! — прошепталъ Сергій. Дошли до маленькой, покрытой снѣгомъ, лѣсной церковки.

Затешили передъ темными образами свѣчи, и стали служить заутреню.

За стѣнами церкви гудѣлъ снѣжный Китежскій лѣсъ. Пѣла вьюга.

Молились святители руськой земли въ заброшенной лѣсной церковкѣ о Руси — любви Спасовой, кроткой думѣ Господней.

А послѣ Заутрени вышли изъ церковки три заступника на паперть и благословили на всѣ четыре конца снѣжную землю, вьюгу и ночь.

Эстонія. Нарва.

В. Никифоровъ-Волгинъ

МИЛОЕ ИМЯ — НАТАША

(Окончаніе)

Я курю французскую папиросу „Natacha“ съ картоннымъ мунштукомъ и думаю о томъ, что все это было ужасно давно, въ тѣхъ жиняхъ и тѣхъ измѣреніяхъ.

И еще о томъ, что циклъ Наташъ не ограничивается рассказаннымъ. Была еще одна кандидатка на устроение семейнаго счастья бездѣтнаго и чадолюбиваго папы Миши...

Счастье и несчастье пишущихъ въ томъ, что излишекъ своихъ переживаній они растворяютъ въ чернильницѣ и переносятъ перышкомъ на бумагу. Если аистъ отказывается принести мнѣ дочь, если поиски подъ листомъ лопуха были напрасны, — то вѣдь ничто не могло помѣшать воображенію!

И вотъ я сталъ отцомъ маленькой бѣлокурой голубоглазой дѣвочки, рожденной въ бракѣ съ фантазіей. Это не была дочь по крови, — но дочь по духу, пріемная, плодъ духовной любви. Я воспиталъ ее съ перваго мѣсяца ея жини, и крошечное бытіе ея наполнило новымъ смысломъ личное мое существованіе.

Ея первые колеблющіеся шаги, ея первое слово, первая палочка, начертанная карандашомъ, — все это отмѣчалось и регистрировалось въ особомъ драгоценномъ „дневникѣ

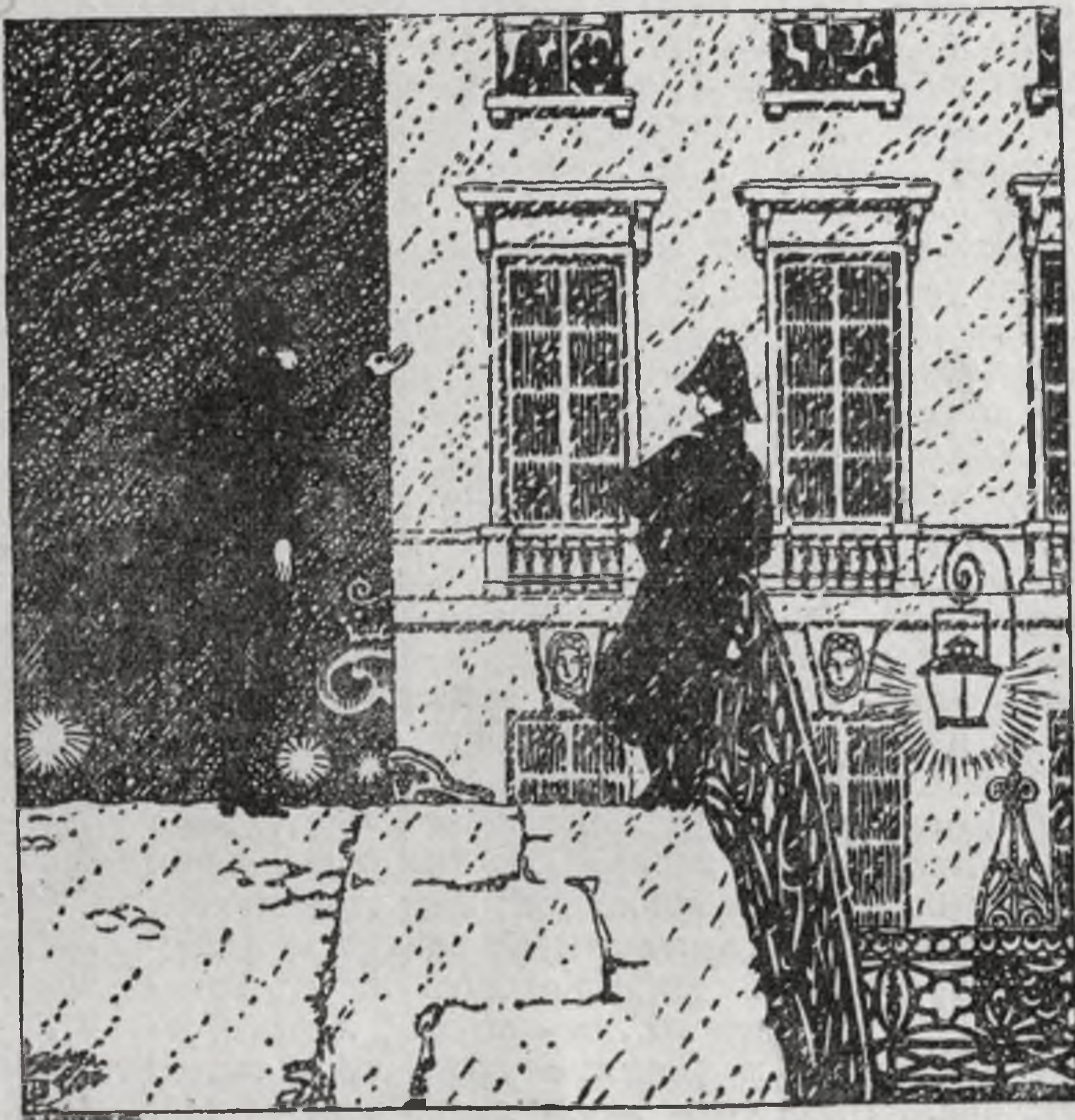
Туки“, моего безцѣннаго сокровища. Я рассказывалъ ей, родившейся подъ итальянскимъ небомъ, про бѣлый снѣжокъ, про хвойный лѣсъ, про зайчика, у котораго всегда одно ухо поднято, про рѣчку съ водяными лиліями, ужасно похожими на фарфоровыя чашечки (только безъ ручки), про нашу страну, которую она когда нибудь увидитъ. Я отдалъ ей всю любовь безчаднаго отца и всю нѣжность, завѣщанную рано умершей ея матерью, никогда не бывшей моею женой, — лишь моей духовной подругой. И мы жили вдвоемъ, отдѣленные взаимной любовью отъ остальнаго міра, который служилъ только неизбѣжнымъ фономъ нашего быта, но по существу пока не былъ намъ нуженъ, былъ лишь привычнымъ, едва доносившимся шумомъ.

И вдругъ подкралось бессмысленное и страшное: моя Тука заболѣла. Дни и ночи я проводилъ у ея постели, борясь съ отвратительнымъ палачомъ, которому понадобилась зачѣмъ то жинь еще не жившей крошки; и я отстоялъ ее... но не надолго. Переживъ кризисъ болѣзни, моя дѣвочка не нашла силъ вернуться въ міръ, который готовилъ ей столько радостей, — и бѣлый снѣжокъ, и рѣчку съ рыбками, и хвойный лѣсъ, и зайчика, у котораго



М. В. Добужинскій

„Бѣлыя ночи“



М. В. Добужинскій

„Ночной принцъ“ Ауслендера



М. В. Добужинскій

„Уголок Риги“ (Мельничная улица)

всегда поднято одно ухо. На берегу моря, куда я увезь ее, къ ней вышла изъ воды и поманила ее такая же маленькая русалочка. И медленно, но безнадежно стала угасать моя единственная дочь — дочь моей фантази.

Былъ разсвѣтъ яснаго дня; изъ молочной морской дали подъѣхали бѣлыя сани, и бѣлые кони увезли мою дѣвочку, мою Наташу, изъ міра нашего — въ міръ иной, мнѣ еще недоступный. Случилось то, чему нѣтъ названія, въ чемъ не можетъ быть смысла, чего ни умъ, ни сердце пережить не въ силахъ. Привидѣлся страшный сонъ — и я не могъ проснуться.

Писатели — выдумщики; но каждому изъ нихъ хоть разъ въ жизни приходится съ полной силой пережить свою выдумку въ процессѣ творчества. Кажется это называется вдохновеніемъ. Я писалъ свою повѣсть два года и я по настоящему мучился, когда ея маленькая героиня заболѣла.

До самаго конца я не зналъ, смогу ли я вырвать ее изъ когтей смерти и послѣднія главы были для меня настоящимъ страданіемъ.

Вѣроятно такъ писать не слѣдуетъ, искусство требуетъ спокойствія духа и объективности. Теперь, много лѣтъ спустя, я самъ отлично вижу всѣ художественные минусы своего дѣтища. Тогда — я лишь ясно, до мелочей, до родинки, до розоваго ноготка видѣлъ свою

нерожденную и нежившую Наташу и любилъ ее не меньше, чѣмъ могъ бы любить живую во плоти.

И вотъ однажды, перечтя въ послѣдній разъ большую рукопись, названную „Моя дочь“, я отправилъ ее въ Россію, въ печать.

Мнѣ памятенъ этотъ день потому, что онъ поманилъ меня изумительной неожиданностью, однимъ изъ тѣхъ странныхъ совпаденій, какія не повторяются.

Было это въ Римѣ. Сдавъ на центральной почтѣ рукопись, я перешелъ черезъ улицу и зашелъ въ старое и знаменитое кафе Араньо, гдѣ ежедневно собиралась международная литературная братія. Тамъ я подселъ къ одному столику, и мнѣ представили пріѣзжаго журналиста, болгарина, высокаго, серьезнаго, сдержаннаго человѣка. Мы обмѣнялись лишь нѣсколькими словами.

Когда онъ простился и ушелъ, одинъ пріятель мой сказалъ:

— Знаете, у этого болгарина есть дочурка, Наташа, бѣленькая-бѣленькая и такая милая. Онъ приводилъ ее къ моей дочери, — онѣ играли вмѣстѣ. И говорятъ, что онъ бьетъ ее и, повидимому, хочетъ отъ нея избавиться, отдать кому-нибудь.

— Бьетъ родную дочь?

— Да. А дѣвочка — прелесть, и ласковая такая.

— А сколько лѣтъ?

— Лѣтъ пять, не больше.

Бѣлокурую дочь моей фантазіи звали Наташей; ей было пять лѣтъ, когда смерть похитила ее. Она была голубоглаза и ласкова. Но я былъ лучшимъ отцомъ...

На другой день въ томъ же кафе я встрѣтилъ болгарина. Онъ сидѣлъ одинъ. Я подселъ къ нему и спросилъ:

— Вы привезли въ Римъ дочку? Я слышалъ, что она прелестный ребенокъ.

— Да, славная дѣвочка.

— Ее зовутъ Наташей?

— Да.

Я видѣлъ, что онъ не охотно поддерживаетъ разговоръ о дочери. Тогда я сказалъ ему прямо:

— Послушайте. Я — одинокій человекъ, достаточно зарабатываю, и я люблю дѣтей. Я слышалъ, что вы... вы можете не отвѣчать мнѣ... что вы, по известнымъ вамъ причинамъ, готовы отдать свою дочь на воспитаніе или совсѣмъ, что вамъ она чѣмъ то мѣшаетъ. Если это такъ, — я возьму ее.

Онъ просто отвѣтилъ.

— Да, это такъ.

— Но вы согласны были бы разстаться съ нею навсегда? Чтобы она забыла васъ и называла отцомъ другого? Подождите отвѣчать, дослушайте меня. Я уже сказалъ вамъ: я возьму вашу дочь, хотя не видалъ ее. Но вы отъ нея откажетесь совершенно и не увидите ее прежде, чѣмъ она станетъ взрослой. Я усыновлю ее, и мы оформимъ — насколько возможно — вашъ отказъ въ русскомъ посольствѣ и въ болгарскомъ. Я — политическій эмигрантъ, но все это берусь устроить.

Онъ немного подумалъ и сказалъ:

— Что-жъ, это пріемлемо. Я не скрою отъ

васъ, да вы отъ кого то уже и слышали, что моя дочка мнѣ мѣшаетъ. Она родилась въ Петербургѣ, когда я былъ тамъ студентомъ. Мать ея русская. Связь наша была тайной, и о рожденіи ребенка удалось скрыть отъ родныхъ. Ребенокъ жилъ сначала въ пріютѣ, потомъ у одной хорошей женщины, а потомъ я ее взялъ, сравнительно недавно. Но дѣло въ томъ, что теперь я женился въ Болгаріи, а мать Наташи вышла въ Петербургѣ замужъ. Съ прошлымъ давно покончено.

По разнымъ причинамъ, — понятнымъ, впрочемъ, — я долженъ скрывать, что у меня есть дочь. И, конечно, она мнѣ мѣшаетъ.

— Значитъ вы согласны?

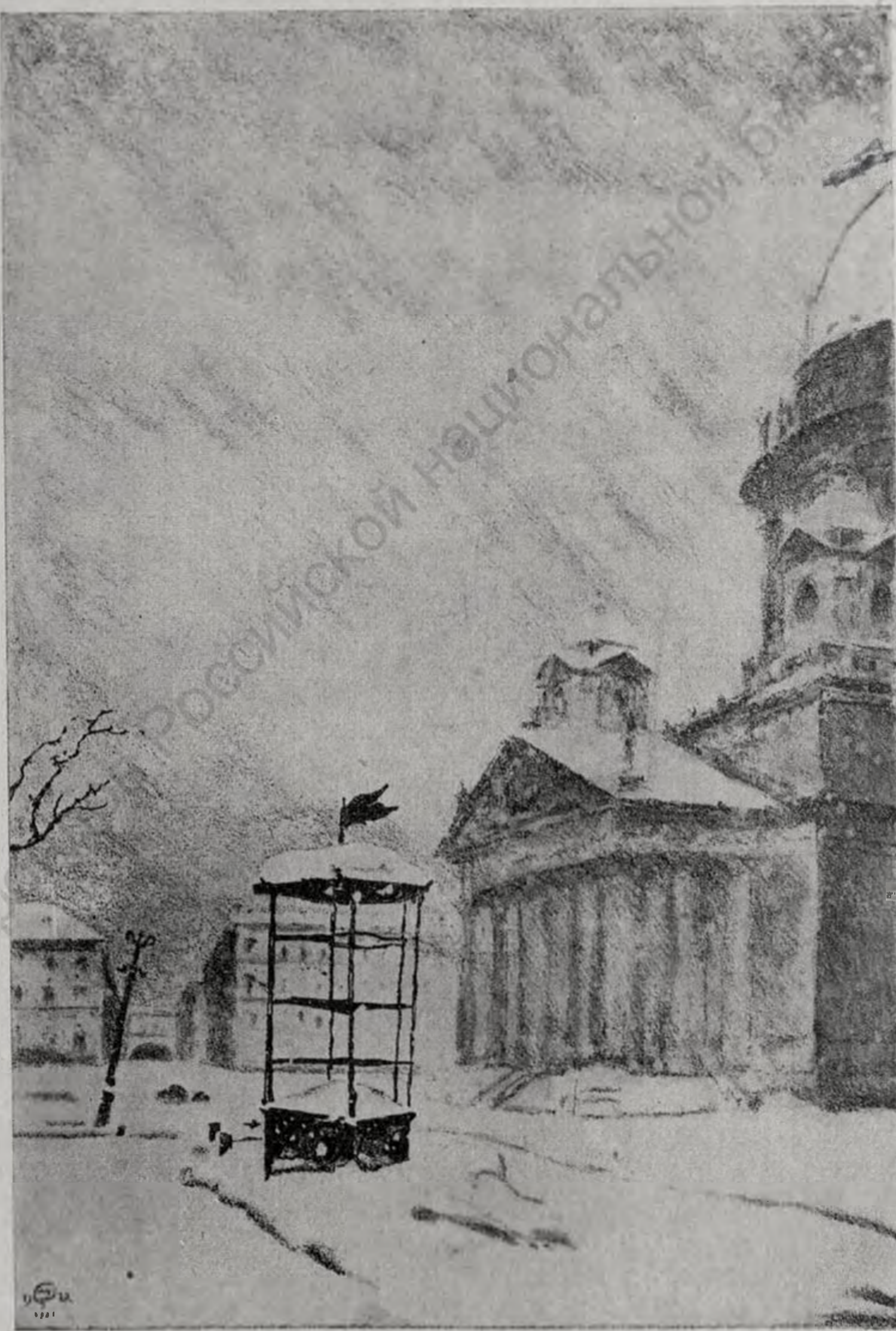
— Я сказалъ, что принципиально — да. Но здѣсь намъ неудобно говорить о деталяхъ. Позвольте мнѣ завтра прійти къ вамъ съ дѣвочкой. Вы ее увидите, и мы поговоримъ.

— Отлично. Приходите обѣдать.

На слѣдующій день, въ квартирѣ бѣднаго итальянскаго чиновника, гдѣ я занималъ три комнаты, было волненіе.

Толстый, пятидесятилѣтній, щетинистый, неопрятный, но нѣжный и заботливый, какъ нянька, мой незабвенный другъ и слуга Серафино волновался не меньше меня, узнавъ, что ко мнѣ придетъ маленькая гостья, которая, быть можетъ, станетъ моей пріемной дочерью. Вода для макаронъ кипѣла ключемъ, пыль была подметена даже подъ диванами. На письменномъ столѣ лежала, растопыривъ руки, румяная, большеглазая новая кукла съ радужнымъ бантомъ римскаго шелка. Въ столовой блестяли три прибора и красовались соломой двѣ фьяски: краснаго кьянти и янтарнаго фраскати. На лѣстницѣ, за пріоткрытыми дверями, чутко дежурили сосѣдки, которымъ Серафино шепнулъ

о грядущемъ событіи. Я пять лѣтъ жилъ въ этомъ огромномъ домѣ рабочаго квартала, окнами на площадь Рисорджименто и къ Вати-



М. В. Добужинскій

„Исаакіевскій Соборъ“

кану, и всѣ сосѣди были моими добрыми друзьями.

Передъ полуднемъ я нервно ходилъ по кабинету, пробовалъ присѣсть на диванъ, снова вскакивалъ, поправлялъ книги на полкахъ, закрывалъ и открывалъ чернильницу, закуривалъ папиросу о папиросу. Серафино, въ передникѣ, прикрывавшемъ его толстый животъ, заглядывалъ поминутно ко мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ и говорилъ: — *Vedrà! Ma stia tranquillo, che tutto va benone...*

И вотъ — звонокъ...

Я сажусь въ кресло у стола и стараюсь быть спокойнымъ.

Я слышу топотъ дѣтскихъ ножекъ... Затѣмъ въ дверяхъ — одна, опередивъ отца и Серафино, появилась дѣвочка, улыбнулась и прямо подбѣжала ко мнѣ.

Это была она, та, моя Наташа, героиня моей повѣсти. Не я одинъ узналъ ее: мы узнали другъ друга. Она подбѣжала, забралась ко мнѣ на колѣни, обвила мою шею рукой и сразу ухватилась за куклу. А въ дверяхъ стоялъ высокій, серьезный, бородатый человекъ и мой Серафино, глаза которого были влажны отъ умиленія.

Это была она, ошибиться было невозможно: Ея глаза, ея свѣтлые золотые волосы, ея свѣтлый золотой смѣхъ, ея теплота и прикосновенье. Та дѣвочка Наташа, которую я самъ придумалъ для себя, которой рассказывалъ про елочку, про зайца и бѣлый снѣжокъ...

Она провела у меня часа два, и я не увиделъ ни одного незнакомаго мнѣ жеста. Мы улыбались другъ другу, а человекъ съ бородой былъ чужимъ и постороннимъ, случайнымъ свидетелемъ нашего счастья. Мнѣ показалось даже, что онъ смотритъ на насъ не то насмѣшливо, не то недружелюбно. Поговорить намъ съ нимъ не удалось, — я слишкомъ былъ занятъ Наташей, и при ней говорить было неудобно. Прощаясь, мы назначили встрѣчу на завтра въ кафе.

Наташа унесла большую куклу и на цѣлый день оставила намъ улыбку. По уходѣ ея, я пытался быть серьезнымъ, но углы рта прыгали. Серафино не видѣлъ надобности сдерживаться. Онъ болталъ безъ умолку, ахалъ, ссылаясь на восторженный отзывъ сосѣдокъ, въ особенности коротконогой соры Джулии, у которой дѣтей — хоть отбавляй и которая въ этомъ дѣлѣ понимаетъ, строилъ планы перестановки мебели и расхваливалъ магазинъ, гдѣ можно дешево купить самую лучшую дѣтскую кроватку. Нянькой, повидимому, онъ хотѣлъ быть самъ.

Мой бѣдный Серафино, теперь уже давно покойный, мой лучший итальянскій другъ, искреннѣйшій и добрейшій!

Въ кафе я пришелъ задолго до назначеннаго часа встрѣчи. Подсѣлъ къ столику стараго пріятеля — итальянца, директора публичной библиотеки, руссофила и знатока русскаго языка. Ни о чемъ постороннемъ моей радости я говорить не могъ, и не могъ не повѣдать другу объ изумительномъ событіи моей жизни.

Онъ переспросилъ:

— Кто отецъ? Болгаринъ? А фамилія какъ? Я назвалъ.

— Послушай, — сказалъ онъ, — я, собственно, не имѣю права говорить тебѣ, но я не хочу, чтобы съ тобой вышла непріятность, и крупная. Пусть то, что я расскажу, останется между нами. Этотъ болгаринъ скоро будетъ арестованъ.

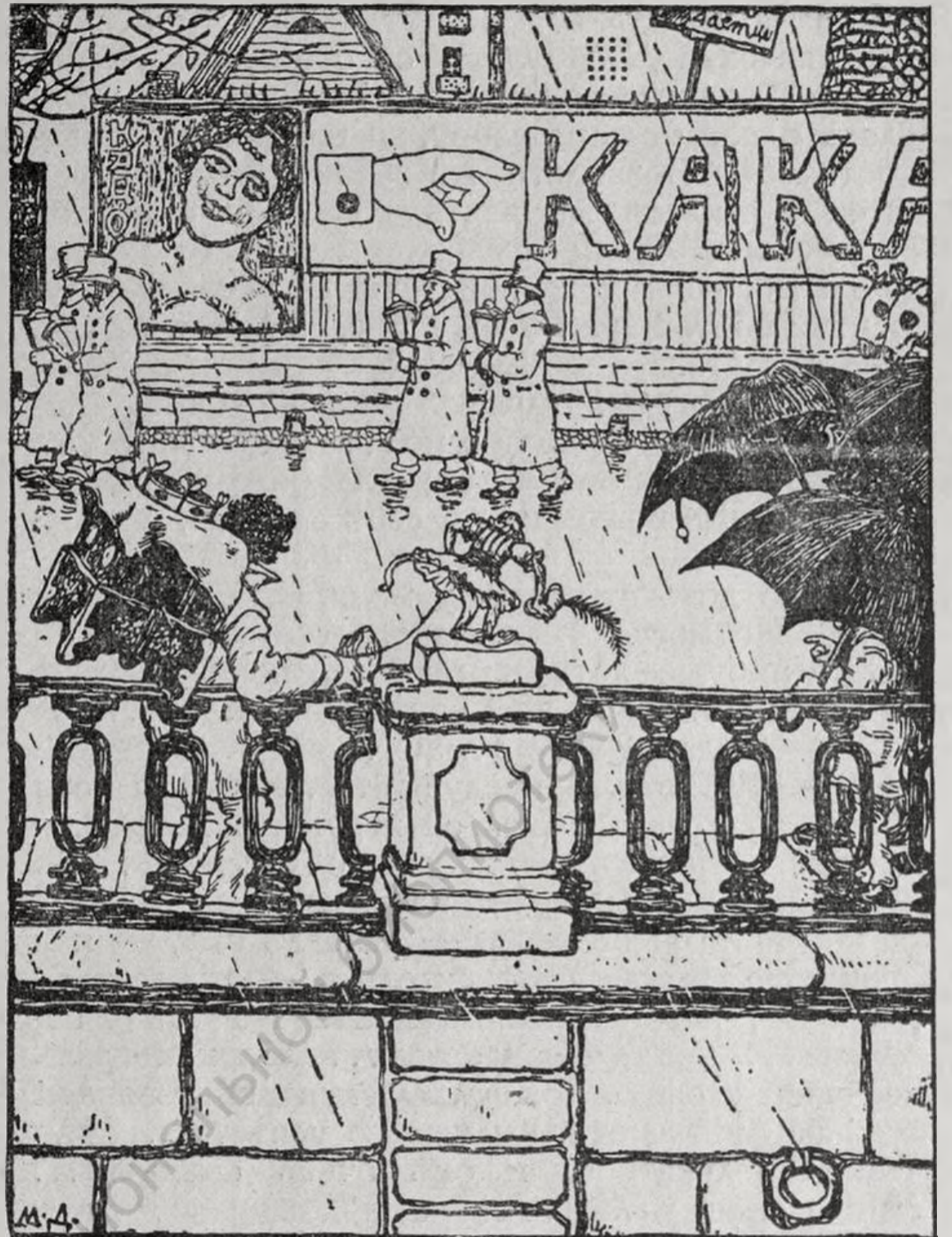
И онъ рассказалъ:

— Мнѣ приходится иногда, какъ знающему русскій языкъ, дѣлать переводы для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. И вотъ я только что переводилъ документы, приложенные къ секретной бумагѣ отъ русскаго правительства, переданной изъ вашего посольства. А бумага эта — просьба о немедленномъ арестѣ болгарскаго журналиста П. за шантажъ.



М. В. Добужинскій

„Рига. Шумная улица“



М. В. Добужинский

Рис. обложки

М. В. Добужинский

„Гримасы города“

Онъ привезъ съ собой въ Римъ дѣвочку, свою дочь отъ связи съ одной петербургской дѣвушкой, аристократкой, которая недавно вышла замужъ, скрывъ отъ жениха свое прошлое. Теперь этотъ болгаринъ шантажируетъ ее, выманивая деньги и угрожая донести на нее мужу. Онъ уже давно ее шантажируетъ, и довелъ до того, что она рѣшилась сама мужу своему во всемъ покаяться. Тотъ, очевидно, добрый и порядочный человекъ, а такъ какъ дѣтей у нихъ до сихъ поръ нѣтъ, то они и рѣшили взять эту дѣвочку, ея дочь. А чтобы обезоружить отца-шантажиста, они предъявили его письма и телеграммы и добились вмѣшательства русскаго суда. Теперь русское посольство потребовало его ареста, и онъ, какъ я уже сказалъ, будетъ на дняхъ арестованъ. Это, конечно, тайна, и ты общаешь мнѣ никому не говорить ни слова.

Я общалъ — я былъ ошеломленъ и подавленъ.

Хранить тайну мнѣ пришлось недолго. Едва мой пріятель ушелъ, какъ съ телеграфа пришли журналисты, и первое, что я отъ нихъ услышалъ, было новостью:

— Знаете, сейчасъ арестовали на телеграфѣ болгарина, того, бородатаго, съ которымъ мы здѣсь сидѣли. Онъ отправлялъ телеграмму въ

Петербургъ, и его взяли прямо у телеграфнаго окошечка.

Я спросилъ только одно:

— А дочка его, Наташа?

— А дочка, вѣроятно, дома или у кого нибудь у знакомыхъ. Вотъ бѣдный ребенокъ!

Былъ уже вечеръ. На утро я первымъ посетителемъ явился въ русское консульство. Хотя я былъ эмигрантомъ, но, какъ корреспондентъ большой газеты, всѣхъ дипломатовъ, конечно, зналъ, какъ знали и они меня. Консуль былъ немного удивленъ, увидавъ меня въ пріемной, и еще больше удивился, когда я заявилъ ему:

— Вчера въ Римѣ былъ арестованъ болгарскій журналистъ П., по требованію посольства; вамъ объ этомъ, конечно, извѣстно. Я этого П. не знаю совершенно, видѣлъ его два раза, и судьба его меня нисколько не интересуетъ. Меня интересуетъ только его дочь, пятилѣтняя дѣвочка. Гдѣ она?

Консуль помолчалъ, потомъ неохотно сказалъ:

— Все это, вѣдь, не изъ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ можно освѣдомляться въ консульствѣ. И вообще...

Я продолжалъ взволнованно:

— Я видѣлъ дѣвочку, правда только разъ.

Я ее полюбилъ. Я бездѣтень и достаточно обезпечень. Что будетъ съ отцомъ, мнѣ, повторяю, неинтересно. Но вѣдь дѣвочка осталась одна, безъ призору, о ней нужно позаботиться. Позвольте же заявить вамъ, что я готовъ сейчасъ же взять ее. Если окажется возможнымъ — я усыновлю ее. Если нельзя — я могъ бы пока приютить ее у себя, окружить заботой, найти ей няню, замѣнить отца, все сдѣлать.

Консуль улыбнулся:

— Я васъ понимаю, но... у дѣвочки уже есть опекунь, онъ здѣсь; это онъ и привезъ бумаги. Ее возьметъ къ себѣ ея мать, въ Петербургъ.

Мою дочь отнимали у меня.

— Но могу ли я... ну... хоть помочь ей чѣмъ нибудь, хоть увидеть ее, пока она еще въ Римѣ... Я къ ней такъ привязался...

— Увидать? Не думаю...

— Или хоть... послушайте... могу я хотя бы... ну хоть послать ей игрушку, я сейчасъ куплю... можетъ быть куклу ей послать...

Консуль посмотрѣлъ на часы:

— Мнѣ очень жаль, — сказалъ онъ, — и я понимаю васъ. Дѣйствительно — прелестная дѣвочка, я ее мелкомъ видѣлъ. Но такая неудача... врядъ ли удастся... да, какъ разъ сейчасъ уходитъ поѣздъ. Опекунь съ дѣвочкой сейчасъ уѣзжаютъ, вы уже не успѣете... Дѣло такое деликатное, и онъ очень спѣшилъ... мнѣ весьма жаль...

Я повернулся и вышелъ. Моя дочь, моя маленькая живая, настоящая Наташа была для меня потеряна — безвозвратно.

Вечеромъ я лежалъ на диванѣ. Серафино устроился рядомъ на стулѣ и мрачно сопѣлъ своей ужасной трубкой.

E una vera disgrazia! Eh, già... rovero sor Michele...

Я молчалъ упорно, а сѣбѣ бормоталъ, качая головой:

Ma guarda un po' che boiaccia sto bulgaro... una ragazzina così bella... Madonna Santa!... rovero cocco mio, sor Michele...

И гладилъ меня по щекѣ тяжелой, потной и ласковой рукой.

Изъ голубой коробочки, на которой художникъ пытался изобразить русскую зиму, я вынимаю послѣднюю папиросу съ картоннымъ мундштуком. Табакъ отвратительный, но папироса называется „НАТАША“... Дирекція государственныхъ табачныхъ фабрикъ положительно любезна. Мерси!..

Любопытно, кстати, что та дѣвочка, о которой я сейчасъ рассказалъ, теперь должна уже быть взрослой... лѣтъ семнадцати. Несомнѣнно, я бы не узналъ ее; еще несомнѣннѣе, что въ памяти ея не осталось и слѣда о высокомъ домѣ въ Римѣ, гдѣ уже было выбрано мѣсто для дѣтской кровати, и гдѣ, въ день ея отъѣзда, два одинокихъ человѣка вызывали ея образъ въ клубахъ табачнаго дыма.

Такъ вотъ... я хочу рассказать еще одинъ странный случай, какую то отдаленную связь имѣющій съ предыдущими.

Это было въ Москвѣ, въ годы военного коммунизма и сыпного тифа. Я стоялъ за прилавкомъ въ писательской книжной лавочкѣ въ Леонтьевскомъ переулкѣ.

Было много покупателей, и руки устали шелестѣть оберточной бумагой и закрѣплять узломъ веревочку. Къ прилавку подошла очень молодая дѣвушка, съ лицомъ некрасивымъ, но открытымъ и очень пріятнымъ.

— Могу я съ вами поговорить?

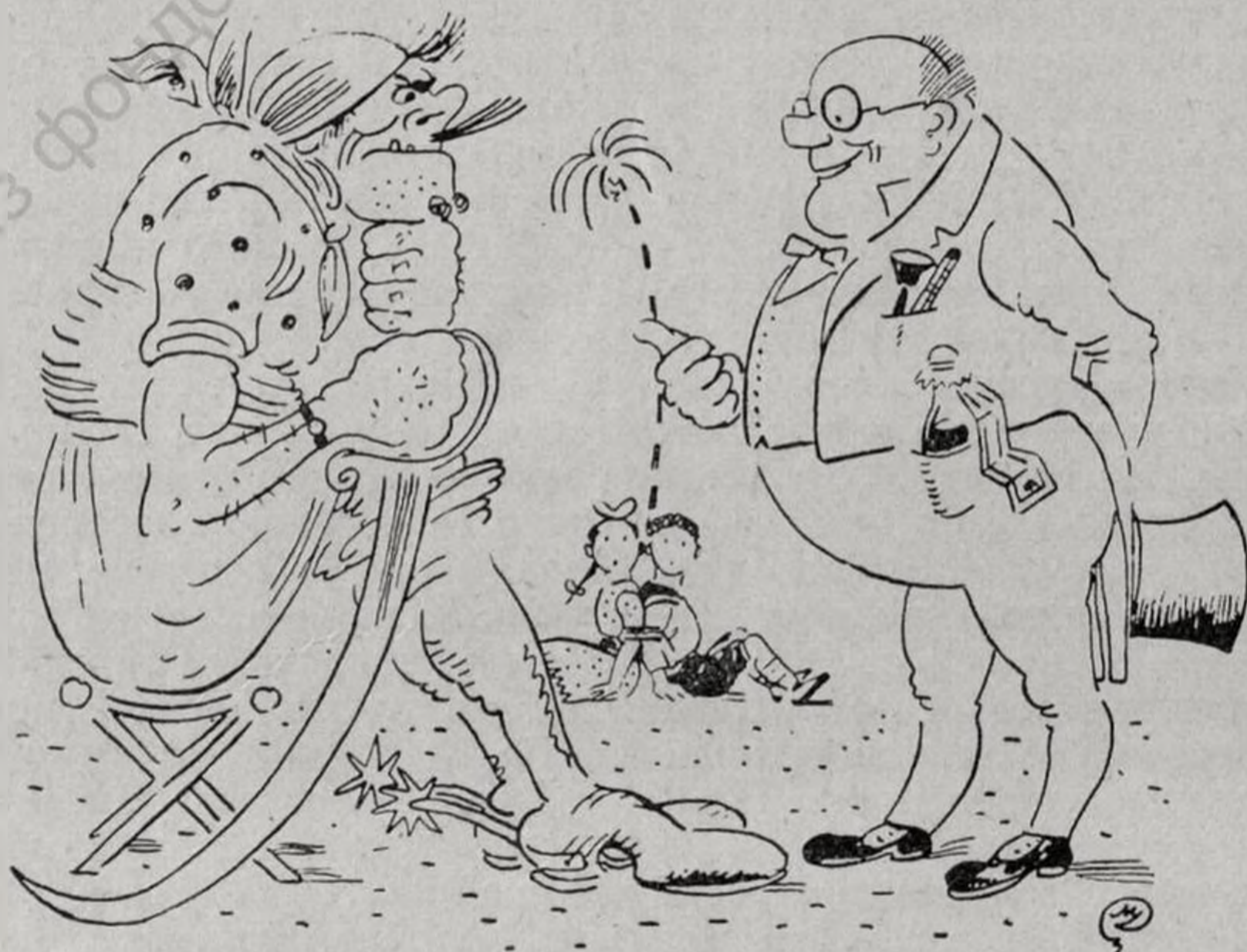
— Пожалуйста.

— Но не здѣсь... Мнѣ нужно...

— Тогда обождите минуту, я освобожусь.

Въ верхнемъ этажѣ былъ у насъ складъ и скромная пріемная. Мы прошли туда.

— Ну вотъ, садитесь. Чѣмъ могу вамъ служить?



М. В. Добужинскій

„Докторъ Ай-Болитъ у Бармалея“



М. В. ДОБУЖИНСКИЙ

„РИГА. УГОЛОКЪ НАБЕРЕЖНОЙ“

ШОРОЗВОШЫ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
№ 10 1926 10

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

НЕВИДИМКА

Приткимъ шагомъ по оврагамъ пробѣжалъ.
Тамъ на версты растянулся, здѣсь онъ малъ.
Въ полѣ чистомъ съ долгимъ свистомъ закрутилъ.
Здѣсь любого бросить о-земь, тамъ безъ силъ.

Въ столбъ тягучій тамъ онъ тучи строить вкось.
Кто бъ ты ни былъ, съ невидимкой спорить брось.
Тонкимъ клювомъ здѣсь стучится онъ въ окно.
Никому развѣдать вѣтеръ не дано.

Ты проходилъ здѣсь. Ты проходилъ здѣсь. Ты проходилъ здѣсь. Я это знаю.
Ты мартъ развѣялъ, апрѣль затеплилъ, и въ сердце вдунуль служенье маю.
Я подорожникъ. Я маргаритка. Я незабудка. Я ландышъ въ дремѣ.
Я цвѣтъ сирени. Я духъ черемухъ. Я цвѣтъ купавы на водоемѣ.
Мы возрастаемъ и расцвѣтаемъ, не опоздаемъ для поцѣлуя.
Равно обнимаетъ насъ невидимка, летя, танцуя и насъ волнуя.
Пыльцу цвѣтную въ саду онъ сѣетъ, по старымъ балкамъ по ветхимъ крышамъ.
Мы пьемъ корнями земную силу, мы лепестками весь воздухъ слышимъ.
Въ горахъ гранитныхъ предѣлы смерти не безграничны — стѣна откоса
Зазеленѣла пластами моха, заголлубѣла отъ ломоноса.
Въ степяхъ безкрайныхъ разгуль былиннокъ, въ нихъ плясь нашептаны и запрокинуты
До стебля стебель — наклонъ и выгибъ, напѣвъ составленъ и вдаль раздвинутъ.
Гдѣ невидимка? Куда онъ скрылся? Онъ въ мелкой ряби средь листьевъ ивы?
Въ болотѣ бродить? Осокой шепчетъ? И говорливый проходитъ нивой?
Гдѣ невидимка? Живому нужно касанье ласки, вѣщанье звука.
Безъ близи въ сердцѣ нѣтъ больше жизни. Вся мудрость — въ счастья. Любовь — наука

А проснется, развернется, вотъ коверъ,
Выше поля, выше лѣса, выше горъ.
Златокрайный — весь коверъ тотъ самолетъ,
Онъ полнеба огнепляской обойметъ.
Заиграетъ онъ каймою изъ зарницъ,
Стаю выпуститъ багряныхъ, быстрыхъ птицъ.
Какъ взмахнетъ одна крылами изъ огня,
Громъ гремитъ съ восхода дня къ заходу дня.
Какъ начнетъ другая огненнымъ хвостомъ,
Загремитъ, не изгремится за ночь громъ.
Какъ ударитъ третья клювомъ золотымъ,
И на кузницѣ небесной рѣетъ дымъ.
Вспрыгнетъ пламень — и прокатится проломъ
По стѣнамъ — изъ тучи сложенныхъ хоромъ.

Тутъ начнется огнептичій хороводъ,
Дождь такой, какъ будто ждалъ онъ цѣлый годъ.
Громъ такой, какъ будто хочетъ изгремѣть
Всю во мракахъ накопившуюся мѣдь.
И за молніями молніи летятъ,
Невидимкѣ огнепляской тѣшатъ взглядъ.
Вся расколота небесная гора,
Брызжутъ токи тучевого серебра.
Всѣ излились. Миръ омытый посвѣтлѣлъ.
Невидимка бросилъ верхній свой предѣлъ.
И запуталъ заалмазненный овесъ.
И у дѣвушки качаетъ прядь волосъ.

К. Бальмонтъ